

О русских названиях птиц России

Е.А.Коблик, Ю.С.Фридман

Евгений Александрович Коблик, Юрий Семёнович Фридман. Зоологический музей МГУ, ул. Большая Никитская, д. 6, Москва, 125009, Россия. E-mail: koblik@zmmu.msu.ru

Второе издание. Первая публикация в 2006*

В нашей предыдущей статье (Фридман, Коблик 2013) были приведены наиболее интересные и оригинальные названия птиц России в дословном переводе с шести европейских языков: английского, немецкого, французского, финского, венгерского и польского, — и сформулированы основные особенности орнитонимов на этих языках. В данной работе мы даём подобный анализ русских орнитонимов.

Каковы же особенности русских названий птиц?

Прежде всего, отечественные орнитонимы отражают богатство и выразительность русского языка. В качестве наглядного примера можно привести русские названия сов. В большинстве европейских языков всех сов обозначают одним-двумя собственными именами, например owl, owlet (англ.), uhu, eule, kauz (нем.), pöllö (финск.) и др.), а разграничение видов осуществляется с помощью видовых определений. В русском же языке собственных имён сов гораздо больше и они значительно более ёмкие и выразительные. Это «сова», «совка», «филин», «сплюшка», «неясыть», «сыч», «сычик», «сипуха». Такие отечественные орнитонимы, как выпь, кряква, пискулька, клоктун, стервятник, рябчик, плавунчик, сплюшка, сизоворонка и др. по своей выразительности и меткости характеристик, на наш взгляд, превосходят названия этих птиц на большинстве европейских языков. Среди русских названий немало самобытных, составленных с изрядной долей народного юмора: ополовник, гренадерка, князёк, дикуша, дутыш, лопатень, топорок, каменка-плясунья, камышевка-барсучок и др.

Мы проанализировали русские названия и видовые определения птиц гнездовой фауны России, распределив их по нескольким общим признакам. Это: 1) признаки внешнего облика, включая размерные показатели (большой улит, погоныш-крошка), окраску (лазоревка, чернозобик), морфологические особенности (лопатень, ходулочник), сходство с другими птицами (кулик-сорока, морской голубок); 2) признаки связанные с вокализацией, включая собственно характеристики голоса (кряква, кукушка), оценку певческих данных (певчий дрозд, певчий сверчок), восприятие вокализации человеком (хохотунья, зави-

* Коблик Е.А., Фридман Ю.С. 2007. О русских названиях птиц России // *Мир птиц. Информ. бюл. Союза охраны птиц России* 35: 38-41.

рушка); 3) поведенческие признаки, включая характерные черты образа жизни (камнешарка, плавунчик), особенности рациона (змееяд, мухоловка), времени и сезона активности (зарянка, снегирь, пеночка-весничка); 4) зональная и ландшафтная приуроченность (тундряной лебедь, морская чайка), предпочитаемые местообитания (песочник, камышевка); 5) география распространения по отношению к регионам (сибирская горихвостка, кавказский улар, тихоокеанская чайка), странам (японская зарянка, индийская камышевка) или же сторонам света (южный соловей, восточная тиркушка, северная бормотушка)

В видовых определениях птиц нами дополнительно учитывались также прочие признаки (реликтовая чайка), «именные» названия, данные в честь первооткрывателей (овсянка Годлевского, бэров нырок).

Естественно, следует помнить, что речь идёт о признаках в значительной степени формализованных, что названия далеко не всегда верно отражают действительный облик, распространение, биологические особенности птиц.

Среди русских орнитонимов имеется большая группа названий, не подпадающих под вышеперечисленные признаки. Это – так называемые названия-символы, из-за давности происхождения полностью или частично утратившие своё первоначальное смысловое значение (например, ласточка, дрозд, орёл, журавль). Эти орнитонимы выделены в особую группу.

Русские названия видов птиц гнездовой фауны России приняты по последней сводке Л.С.Степаняна (2003) с учётом ряда изменений.

В русском языке индивидуальные однокомпонентные названия имеют 145 из 640 видов птиц, или 22.7% от их общего числа. Такого многообразия индивидуальных названий птиц Северной Евразии нет ни на одном из европейских языков, за исключением польского (для сравнения: в английском языке эта доля составляет 12.8%). Большинство индивидуальных названий возникло в глубокой древности как следствие знакомства (а чаще – утилитарного интереса) людей с птицами. Как и в большинстве языков, доля индивидуальных названий неворобьиных птиц на русском языке оказалась втрое больше, чем воробьиных. Естественно, как и другие народы, русские меньше внимания обращали на мелких птиц, смешивая их виды друг с другом.

Многокомпонентные (в основном двухкомпонентные) русские названия имеет большинство наших птиц (495 видов, или 77.3%). Эти названия состоят из группового наименования, выраженного существительным и представляющего суть орнитонима, и одного-двух видовых определений. Групповые наименования обычно имеют народное происхождение и многие из них некогда были индивидуальными однокомпонентными названиями, в то время как видовые определения представляют собой результат более позднего словотворчества учёных.

Скажем, продвижение границ России в Сибирь привело к тому, что был открыт другой вид глухаря, кроме давно известного на Руси. Тут же возникла необходимость в прилагательном, позволяющем разделить эти два вида – просто глухарь и глухарь «каменный». Во имя упорядочения системы названий многие самобытные индивидуальные имена отошли ныне в синонимы, диалектные названия, уступив место новоизобретённым книжным названиям, где существительное увязано с принятым в систематике родом, а определение – с видом.

Особенностью русских многокомпонентных названий птиц является многообразие групповых наименований, заметно повышающая их информативность. На 495 видов птиц, имеющих многокомпонентные названия, приходится 143 групповых наименования (т.е. одно на 3.5 вида)! Такого соотношения нет ни в одном европейском языке (например, у англичан одно название приходится на 5.4 вида).

Приведём несколько примеров. На немецком языке 27 видов уток Северной Евразии имеют общее родовое имя *Ente*, тогда как на русском языке эти же утки имеют 9 групповых (кряква, чирок, свиязь, гага, нырок, чернеть, турпан, синьга, гоголь) и 10 индивидуальных наименований (клоктун, касатка, серая утка, шилохвость, широконоска, мандаринка, каменушка, морянка, луток, савка). Все обитающие в России и Европе виды птиц семейства славковых по-английски называются одинаково – *warbler*, тогда как в русском языке они имеют 7 групповых наименований (славка, пеночка, камышевка, сверчок, пересмешка, бормотушка, пестрогрудка) и два индивидуальных (короткохвостка, широкохвостка). Финские названия хищных птиц, кроме орлов, сводятся к одному названию *haukka*, в то время, как среди русских названий пернатых хищников среднего и мелкого размера мы находим более десятка групповых наименований (не считая множества индивидуальных). Рекордсменом по числу видов, обозначаемых одним групповым наименованием на русском языке, являются овсянки. Так называется 22 вида птиц нашей фауны. В русских названиях почти нет одинаковых групповых наименований для птиц разных семейств. Таковы лишь наименования «куропатка» и «синица», каждое из которых обозначает представителей двух семейств. У англичан десятки видов с коническим клювом, относящиеся к 4 разным семействам, именуются *finch*, у финнов большинство мелких лесных птиц разных семейств называются *varpunen* (воробей).

Русский язык богат орнитонимами-символами, по этому показателю с ним может сравниться лишь венгерский язык. В этой работе мы не ставили своей задачей установить происхождение русских названий с неясной этимологией, поэтому воспользуемся здесь материалами отечественных исследователей этого вопроса (В.А.Булаховский, И.Г.Лебедев, М.А.Надель-Червинская).

Большинство названий-символов возникло на заре цивилизации. Некоторые из них перешли в русский и другие европейские языки из древнеиндоевропейского праязыка – гусь, орёл, ворона, воробей, сорока и др. Названия экзотических птиц, обитавших на окраинах расширявшейся Российской Империи: фламинго, пеликан, фазан, гриф, – были заимствованы из древнегреческого и латыни. Больше всего орнитонимов-символов досталось нам в наследство от древнеславянского языка, о чём свидетельствует почти полное совпадение русских и польских названий. Такие польские орнитонимы как Czapla, Łabędź, Gagoł, Orzeł, Pustulka, Kobczyk, Kuropatwa, Łyska, Żuraw, Sowa, Zimorodek, Mucholowka, Drozd, Czyż, Checzotka, Sójka, Wrona и др. имеют общие корни с русскими названиями и не требуют перевода.

Отечественным исследователям удалось расшифровать этимологию многих названий-символов, имеющих древнеславянское и древнерусское происхождение. Например, дятел происходит от праславянской основы *dьlbьtьlь* – долбящий; куропатка – от русских слов курь – курица и рьтакъ – птаха, т.е. летающая курица; пеночка – от древнеславянского *penъka* – звукоподражательное название теньковки, перенесённое и на другие виды пеночек; неясуть – от церковнославянского *неАсуть* – ненасытный, прожорливый; поганка – от перенесённого в современный язык древнерусского слова поганый – несъедобный; славка – от древнерусского слова, обозначающего «славить», т.е. честновать песней; завирушка – от древнерусского слова, обозначающего «врать, дразнить»; деряба – имеет общеславянский корень *dьr* – дерябный, т.е. шершавый, грубый, рябой; сойка – имеет общеславянский корень *soj* – синий (голубое зеркальце на крыле); стервятник – от общеславянской основы *stьrvъ* – падаль; соловей – от праславянского *solvijь* – соловый, желтовато-серый; ремез – от общеславянского корня *remes* – ремесло.

Отдельные названия имеют диалектное происхождение, в основном из северных говоров. Например, крохаль – от «крокать», т.е. кряхтеть, хрюкать; клуша – от «клукать», т.е. всхлипывать, плакать; турпан – от «тура», что означает тростниковые заросли.

Расширение границ России и вхождение в её состав других народов привело к заимствованиям из языков этих народов. Так появились названия с тюркскими корнями – баклан, беркут, казарка, каравайка, турухтан, сарыч, улар, кеклик и др.; финно-угорские названия – гагара, синьга, кукша, ираноязычное – балобан. Прямых (не связанных с греческим и латынью) заимствований названий птиц из европейских языков в русском языке мало. Это, прежде всего, названия некоторых куликов, традиции охоты на которых пришли в Россию с Запада: вальдшнеп, кроншнеп, гаршнеп, дупель (немецкие), бекас (французское). Название одной из крупных чаек – «бургомистр» – имеет гол-

ландское или старонемецкое происхождение, а название белого журавля – «стерх» - скорее всего, представляет собой трансформированное немецкое название аиста – «Storch».

Следует отметить, что многие названия, считающиеся в русском языке символами, на языке заимствования имеют конкретное смысловое содержание. Так, баклан в дословном переводе означает «дикий гусь», синьга – «чёрная утка», турухтан – «драчун», вальдшнеп – «лесной бекас», сарыч – «хищная птица».

Несмотря на отсутствие современного смыслового значения, во многих орнитонимах-символах, а также в народном фольклоре выражено отношение населения к тем или иным птицам – положительное в названиях ласточка, пеночка, пуночка, гаичка, варакушка, королёк, соловей, сокол, орёл и скорее отрицательное в названиях ворон, ворона, сорока, коршун, филин, не говоря уже о названиях «ястреб», «поганка», «глупыш».

Символы занимают первое место как в индивидуальных русских названиях (61 из 145, или 42% от общего числа) так и в групповых (77 из 143, или 53.8% от общего числа). Таким образом, названия-символы имеет половина видов птиц нашей гнездовой фауны (324 из 640)!

В индивидуальных названиях после символов на втором месте (25%) идут названия, отражающие внешний облик птиц: белошей, шилохвость, рябчик, белобровик, шилоклювка и др. На третьем месте (14.5%) названия, связанные с голосовыми данными: сплюшка, фифи, и др. Число индивидуальных названий, определяемых по другим признакам, незначительно.

В групповых наименованиях, дополненных видовыми определениями, на втором и третьем месте после символов идут названия, связанные с вокализацией (16.8%): канюк, чибис, улит, чекан, сверчок, чечевица и др. – и поведением птиц (15.4%): цапля, нырок, осоед, перепелятник, мухоловка, овсянка и др.

Видовые определения, как уже отмечалось, имеют более позднее происхождение и в большинстве своём представляют собой результат словотворчества учёных в целях разграничения родственных видов и упорядочения номенклатуры. Большая часть видовых определений выражена прилагательными, располагаемыми перед групповыми наименованиями. Однако в более чем 30 названиях они представлены в виде второго существительного: лебедь-шипун, гага-гребенушка, погоныш-крошка, кулик-сорока, орёл-карлик, пеночка-теньковка и др.

Естественно, в видовых определениях в первую очередь отражены отличительные признаки близких видов по внешнему облику, окраске, другим морфологическим параметрам (краснозобый, большой, хохлатый, горбоносый, мохноногий, бородатый и т.д.). Эти признаки преобладают в видовых определениях и составляют 65.9% от их общего числа.

К видовым определениям по признакам внешнего облика, на наш взгляд, следует отнести и такие термины, как «обыкновенный», «обыкновенная». Подобные определения встречаются как в научных названиях, так и в названиях птиц на других языках, особенно на испанском, португальском и чешском, реже на английском языке. Как правило, эти определения присваиваются птицам, давшим групповое наименование другим представителям этого рода или семейства (например, обыкновенная овсянка, обыкновенная чечевица). К сожалению, этот принцип нечётко соблюдается в русских названиях птиц.

На втором месте (16%) среди видовых определений в русских названиях птиц следуют данные о географическом распространении видов: египетский, китайский, сибирский, восточный и т.д. Эти определения лучше дают представление о действительных ареалах птиц, чем определения во многих европейских языках. Таких анекдотичных названий, существующих, например, у англичан (богемский свиристель, дартфордская славка, славонийская поганка, мэнский волнорыз), в русском языке нет. Эта разница легко объяснима различиями в размерах территорий, на которых преобладает тот или иной язык, особенностями распространения многих видов птиц в Европе и России.

Третье место (12.3%) в русских видовых определениях занимают прилагательные, связанные с биотопической приуроченностью видов: каменный, болотный, тундряной, пустынный, морской и т.д.

Мы считаем положительным фактором почти полное отсутствие в русском языке «именных» названий птиц, относящихся к гнездовой фауне России. Их всего шесть: бэров нырок, бэрдов песочник, овсянки Янковского и Годлевского, конёк Годлевского, дрозд Науманна. Все они – книжные, представляют собой дословный перевод видовых латинских названий. «Именные» названия, столь часто употребляемые, например, англичанами (более 10% всех названий), отдают дань первооткрывателям птиц, но не обеспечивают информативной характеристики видов.

В последние десятилетия в отечественной литературе проведена большая работа по упорядочению русских названий птиц как нашей, так и мировой авифауны (Иванов 1976; Бёме, Флинт 1994; Степанян 2003 и более ранние издания). Большинство отечественных орнитологов сейчас использует в качестве официальных русские названия птиц, приведённые в последних изданиях «Конспекта...» Л.С.Степаняна, хотя, по нашему мнению, не все орнитонимы, принятые в этой работе, можно признать удачными. В изданном недавно «Списке птиц Российской Федерации» (Коблик и др. 2006) проведена ревизия ряда названий русской орнитонимики. Основные предложения авторов сводятся к восстановлению приоритета устоявшихся самобытных орнитонимов (чомга, пухляк, ополовник, волчок, князёк и др.); уточнению таксоно-

мического положения ряда видов (снежный воробей, японская кваква); упорядочению применения термина «обыкновенный», дополнению некоторых видовых определений, связанных с внешним обликом и географическим распространением птиц.

Естественно, употребление того или иного русского названия птицы при условии существования нескольких удачных синонимов – вопрос вкуса как составителей каталогов, так и орнитологов, пользующихся этими каталогами и использующих предпочитаемые ими названия в своих работах. Однако остаётся проблема закрепления одного из названий в качестве приоритетного для использования в официальных документах, например, связанных с юридическим охранным статусом вида и т.д. Ведение на постоянной основе официального списка птиц России предполагает и дальнейшую разработку русской орнитоники. Эти задачи осуществляются созданной весной 2006 года Фаунистической комиссией при Мензбировском орнитологическом обществе.

Литература

- Бёме Р.Л., Флинт В.Е. 1994. *Пятиязычный словарь названий животных. Птицы. Латинский-русский-английский-немецкий-французский*. М.: 1-845.
- Иванов А.И. 1976. *Каталог птиц СССР*. Л.: 1-276.
- Коблик Е.А., Редькин Я.А., Архипов В.Ю. 2006. *Список птиц Российской Федерации*. М.: 1-281.
- Степанян Л.С. 2003. *Конспект орнитологической фауны России и сопредельных территорий (в границах СССР как исторической области)*. М.: 1-808.
- Фридман Ю.С., Коблик Е.А. 2013. О названиях птиц в дословном переводе с европейских языков // *Рус. орнитол. журн.* **22** (853): 573-582.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск **864**: 867-870

Заметка о белуджистанском вороне *Corvus corax laurencei* (Hume, 1873)

Р.Н.Мекленбурцев

*Второе издание. Первая публикация в 1947**

Corvus corax laurencei, описанный Юмом (1873) из Пенджаба, как мелкий подвид обыкновенного ворона, отличающийся кроме размеров некоторыми особенностями окраски, был введён в фауну Средней Азии Г.В.Лоудоном (1911) под именем белуджистанского ворона. Э.Хартерт

* Мекленбурцев Р.Н. 1947. Заметка о белуджистанском вороне (*Corvus corax laurencei* Hume) // *Изв. АН КазССР. Сер. зоол.* **36**, 4: 138-139.